Шут. Русская народная сказка

1.

В одной деревне жил шут. Какой-то поп вздумал ехать к нему, говорит попадье: «Ехать было к шуту, не сшутит ли каку́ шутку!» Собрался и поехал; шут по двору похаживает, за хозяйством присматривает. «Бог в помощь, шут!» — «Добро жаловать, батюшка! Куды тебя бог понес?» — «К тебе, свет; не сшутишь ли шутку мне?» — «Изволь, батюшка; только шутку-то я оставил у семи шутов, дак снаряди потеплей да дай лошади съездить за нею». Поп дал ему лошадь, тулуп и шапку. Шут сел и поехал. Приехал к попадье и говорит: «Матушка! Поп купил триста пудов рыбы; меня вот послал на своей лошади к тебе за деньгами, триста рублей просит». Попадья тотчас отсчитала ему триста рублей; шут взял и поехал назад. Приезжает домой, тулуп и шапку положил в сани, лошадь в ограду пустил, а сам спрятался. Поп пождал-пождал, не мог дождаться, собрался и воротился к попадье. Она спрашивает: «А где рыба-то?» — «Какая рыба?» — «Как какая! Шут приезжал за деньгами, сказывал, будто ты заторговал триста пудов рыбы; я ему триста рублей дала». Узнал поп, каковую шутку сыграл над ним шут!

На другой день собрался, и опять к шуту. Шут знал, что поп приедет, переоделся женщиной, взял пресницу и сел под окошко, сидит да прядет. Вдруг поп: «Бог в помочь!» — «Добро жаловать!» — «Дома шут?» — «Нету, батюшка!» — «Где же он?» — «Да ведь он, батюшка, с тобой вчерась пошутил да после того и дома не бывал». — «Экой плут! Видно, назавтрее приезжать». На третий день приехал; шута все нет дома. Поп и думает: «Чего же я езжу без дела? Эта девка, знать, сестра его, увезу ее домой, пусть зарабливает мои деньги». Спрашивает ее: «Ты кто же? Как шуту доводишься?» Она говорит: «Сестра». — «Шут у меня триста рублей денег взял, так ступай-ка, голубушка, зарабливай их...» — «Дак что! Ехать дак ехать!» Собралась и поехала с попом. Живет у него уж и долго.

У попа были дочери-невесты. Вдруг к нему сватовщики — какой-то богатый купец начал сватать дочь за сына. Поповски дочери что-то купцу не понравились, не поглянулись, он и высватал стряпку, шутову сестру.

Веселым пирком да и за свадебку. Справили все как следует. Ночью молодая говорит мужу: «Высади меня в окошко по холсту поветриться; а как

тряхну холстом, назад тяни». Муж спустил ее в сад; женушка привязала вместо себя козлуху, тряхнула — молодой потащил. Притащил в горницу, смотрит — козлуха. «Ох, злые люди испортили у меня жену-то!» — закричал молодой; все сбежались, начали возиться с козлухой; дружки взялись наговаривать, чтобы обратить ее в женщину, и совсем доконали-замучили: пропала козлуха!

Шут между тем пришел домой, переоделся и поехал к попу. Тот его встретил: «Милости просим, милости просим!» — угощает. Шут сидит, ест да пьет; те-други разговоры; он и спрашивает: «Батюшка, где же моя сестра? Не увозил ли ты?» — «Увез, — говорит поп, — да и отдал взамуж за богатого купца». — «А как же, батюшка, без моего спросу отдали ее взамуж? Разе есть таки законы? Ведь я просить пойду!» Поп биться-биться с ним, чтобы не ходил в просьбу. Шут выпросил с него триста рублей; поп отдал. Шут взял и говорит опять: «Ладно, батюшка, теперь своди-ка меня к сватушку-то; покажи, каково они живут». Поп не захотел спорить; собрались и поехали.

Приезжают к купцу; тут их встретили, начали потчевать. Шут сидит уж и дивно времени — сестры не видать, и говорит он: «Сватушка, где же моя-то сестра? Я давно с ней не видался». Те посемывают. Он опять спрашивает; они и сказали ему, что злы люди похимостили, испортили ее в козлуху. «Покажите козлуху!» — просит шут; они говорят: «Козлуха пропала». — «Нет, не козлуха пропала, а вы разве мою сестру убили; как сделаться ей козлухой! Пойду просить на вас». Те ну просить его: «Не ходи, пожалуйста не ходи просить: чего хочешь бери!» — «Отдайте триста рублей, не пойду!» Деньги отсчитали, шут взял и ушел, сделал где-то гроб, склал в него деньги и поехал.

Вот едет шут, а навстречу ему семь шутов; спрашивают: «Чего, шут, везешь?» — «Деньги». — «А где взял?» — «Где взял! Вишь, покойника продал и везу теперь полон гроб денег». Шуты, ничего не говоря, приехали домой, перебили всех своих жен, поделали гроба, склали на телеги и везут в город; везут и кричат: «Покойников, покойников! Кому надо покойников?» Услыхали это казаки, живо подскакали и давай их понужать плетями; драли-драли, еще с приговорами: «Вот вам покойники! Вот вам покойники!» — и проводили вон из города. Еле-еле убрались шуты; покойников схоронили, сами и ступай к шуту отметить за насмешку; тот уж знал, вперед изготовился.

Вот они приехали, вошли в избу, поздоровались, сели на лавку; а у шута в избе была козлуха: она бегала-бегала, вдруг и выронила семигривенник. Шуты увидели это, спрашивают: «Как это козлуха-то семигривенник выронила?» — «Она у меня завсегда серебро носит!» Те и приступили: продай да продай! Шут упрямится, не продает: самому-де надо. Нет, шуты безотступно торгуют. Он запросил с них триста рублей. Шуты дали и увели козлуху; дома-то поставили ее в горнице, на пол ковров настлали, дожидаются утра, думают: «Вот когда денег-то наносит!» А вместо того она только ковры изгадила.

Шуты опять поехали мстить тому шуту. Тот уже знал, что они будут; говорит своей жене: «Хозяйка, смотри, я тебе привяжу под пазуху пузырь с кровью; как придут шуты бить меня, я в те́ поры стану просить у тебя обедать; раз скажу — ты не слушай, другой скажу — не слушай, и в третий — тоже не слушай. Я ухвачу нож и ткну в пузырь, кровь побежит — ты и пади, будто умерла. Тут я возьму плетку, стегну тебя раз — ты пошевелись, в другой — ты поворотись, а в третий — скочи да на стол собирай». Вот приехали шуты: «Ну, брат, ты нас давно обманываешь, теперича мы тебя убьем». — «Дак что! Убьете — так убьете; дайте хоть в последний раз пообедать. Эй, хозяйка! Давай обедать». Та ни с места; он вдругорядь приказывает — она ни с места; в третий раз говорит — то же самое. Шут схватил ножик, хлоп ее в бок — кровь полилась ручьями, баба пала, шуты испугались: «Что ты наделал, собака? И нас упекёшь тут же!» — «Молчите, ребята! У меня есть плетка; я ее вылечу».

Сбегал за плеткой, стегнул раз — хозяйка пошевелилась, в другой — поворотилась, в третий — скочила и давай на стол собирать. Шуты говорят: «Продай плетку!» — «Купите». — «Много ли возмешь?» — «Триста рублей». Шуты отсчитали деньги, взяли плетку, ступай с ней в город; видят — везут богатого покойника, они кричат: «Стой!» Остановились. «Мы оживим покойника!» Раз стегнули плеткой — покойник не шевелится, в другой раз — тоже, в третий, четвертый, пятый — покойник все не шевелится. Тут их, сердешных, забрали и давай самих драть; плетьми стегают да приговаривают: «Вот вам, лекаря́! Вот вам, лекаря́!» До полусмерти исстегали, отпустили. Они кое-как доплелись до двора, поправились и говорят сами с собой: «Ну, ребята, не докуль шуту над нами смеяться; пойдемте убьем его! Чего на него смотреть-то?»

Тотчас собрались и поехали; застали шута дома, схватили и потащили на реку топить. Он просится: «Дайте хоть с женой да с родней проститься,

приведите их сюда!» Ну, согласились, пошли все за родней; а шута завязали в куль и оставили у проруби. Только ушли, вдруг едет солдат на паре каурых, а шут что-то и скашлял. Солдат остановился, соскочил с саней, развязал куль и спрашивает: «А, шут! Пошто залез тут?» — «Да вот высватали за меня убегом таку-то (называет ее по имени), сегодня и украли; а отец и хватился, давай искать. Нам некуда деваться; вот мы спрятались в кули, нас завязали да и растащили по разным местам, чтоб не узнали». Солдат был вдовый, говорит: «Пусти, брат, меня в куль-от». Шут упрямится, не пускает. Солдат уговаривать, и уговорил его. Шут вышел, завязал солдата в куль; сел на лошадей и уехал. Солдат сидел-сидел в кулю и уснул.

Семь шутов воротились одни, без родни, схватили куль и бросили в воду; пошел куль ко дну — буры да кауры! Сами побежали домой; только прибежали, расселись по местам, а шут и катит мимо окон на паре лошадей — ух! «Стой!» — закричали семеро шутов. Он остановился. «Как ты из воды выбился?» — «Эх вы, дураки! Разве не слышали: как пошел я ко дну, то сказывал: буры да кауры? Это я коней имал. Там их много, да какие славные! Это что еще! Я дрянь взял — спереди, а там дальше вороные — вот так лошади!» Шуты поверили: «Спускай, брат, нас в воду; пойдем и мы коней выбирать». — «Извольте!» Всех извязал в кули и давай спускать по одному; испускал всех в воду, махнул рукой и сказал: «Ну, выезжайте же теперь на вороных!»

2.

Жил-был Фомка-шут, умел шутить шутки хитрые. Раз идет Фомка дорогою; повстречался ему поп: «Здравствуй, Фомка!» — «Здравствуй, батюшка!» — «Пошути мне!» — «Ах, батюшка, рад бы, да шутки дома забыл». — «Сбегай, пожалуйста!» — «Далеко бежать-то!» — «Возьми, свет, мою лошадь». — «Давай, батюшка!» Сел и поехал к попадье: «Матушка, подавай семьсот рублей; батюшка купил семь сел, семь деревень; меня послал за деньгами, вот свою лошадь дал». Попадья дала ему семьсот рублей; Фомка-шут взял деньги и поехал на болото; утопил лошадь в болоте, отрезал у ней хвост и воткнул в тину. Приходит к попу: «Ну, батюшка, верно ты свою кобылу недели две не поил?» — «А что?» — «Да то — как поехал я мимо воды, кинулась она со всех ног в болото, да там и завязла!» — «Что делать! Пойдем вытаскивать». Пришли к болоту — один хвост торчит. «Лезь, батюшка, в воду!» — «Полезай лучше ты, Фомка!» Фомка полез.

Вот шут ухватился за один конец хвоста, а поп за другой; тянут в разные стороны. Вот тянули, тянули, Фомка взял да выпустил хвост из рук — поп так и ударился оземь. «Нет, — говорит Фомка, — видно, совсем пропала лошадь! Теперь уж не вытащишь — хвост оборвали!» Поп потужил-потужил и пошел домой. Попадья встречает: «Что, батька, купил семь сел, семь деревень?» — «Каких, свет?» — «Как же, Фомка-шут от тебя приезжал да семьсот рублей денег взял!» — «Ах он вор этакой! Неча сказать: славную сшутил шутку!» А Фомка себе на уме, поехал в город протирать глаза чужим денежкам: у попа-де в сундуке они заржавели!

У Фомки-шута было два брата. Раз как-то затопил он печку, поставил на огонь котел с водою и сел под окном, глядь — идут одаль братья. Фомка сейчас вытащил котел из печи, поставил на улицу в снег и покрыл сковородой. Братья подошли и услыхали — что-то в котле шумит. Стали спрашивать: «Шут, что у тебя в котле-то шумит?» — «Вода на снегу кипит! Если в котел муки положить, так можно и кисель сварить: не надо и дров!» — «Подари нам этот котелок». — «Не могу, братцы! Я только им и живу». — «Ну, продай! Что возьмешь?» — «Да ме́не ста рублей не возьму». — «На, бери!» Заплатили братья сто рублей, взяли котелок и принесли домой. «Эй, жена, — говорит один, — давай кисель варить». — «Дров нету!» — отвечает ему баба. «Да нам дров и не надо; подавай муки». Баба принесла муки; мужики налили в котел воды, насыпали туда муки, накрыли сковородой и поставили в снег. Прошло с час времени. «Ну-ка, бабьё, не готов ли наш кисель?» Посмотрели, а вода совсем замерзла; стали ножом резать — нож не берет, стали топором рубить — и разбили котел вдребезги. Осердились братья и пошли Фомку бить.

Фомка-шут знал, что братья не спустят ему, и загодя придумал новую шутку: убил барана, нацедил крови и налил в пузырь; а тот пузырь привязал своей бабе под мышку. Только братья в избу, он и закричал: «Таня, делай яичницу, да проворнее!» Таня и с места не встает. Фомка за нож, как ударит ее под мышку — кровь так и полилась. Таня упала — захрапела, словно душа из тела выходит. «Что, али умирать вздумала?» — говорит Фомка, снял с гвоздя плетку и давай стегать да причитывать: «Плетка-живилка, оживи мою женушку!» Она тотчас вскочила и принялась готовить яичницу. «Фомка, — говорят братья, — продай плетку-живилку». — «Купите!» Торговаться-торговаться, купили плетку и пошли над своими бабами куражиться.

Видят — везут богатого покойника, они кричат: «Стой!» Остановились. «Мы оживим покойника!» Раз стегнули плеткой — покойник не шевелится, в другой раз — тоже, в третий, четвертый, пятый — покойник все не шевелится. Тут их, сердешных, забрали и давай самих драть; плетьми стегают да приговаривают: «Вот вам, лекаря́! Вот вам, лекаря́!» До полусмерти исстегали, отпустили. Они кое-как доплелись до двора, поправились и говорят сами с собой: «Ну, не докуль Фомке-шуту над нами смеяться; пойдемте убьем его! Чего на него смотреть-то?»

Тотчас собрались и поехали; застали Фомку-шута дома, схватили и потащили на реку топить. Он просится: «Дайте хоть с женой да с родней проститься, приведите их сюда!» Ну, согласились, пошли за родней; а Фомку-шута завязали в куль и оставили у проруби. Только ушли, вдруг едет солдат на паре каурых, а Фомка-шут что-то и скашлял. Солдат остановился, соскочил с саней, развязал куль и спрашивает: «А, шут! Пошто залез тут?» — «Да вот высватали за меня убегом таку-то (называет ее по имени), сегодня и украли; а отец и хватился, давай искать. Нам некуда деваться; вот мы спрятались в кули, нас завязали да и растащили по разным местам, чтоб не узнали». Солдат был вдовый, говорит: «Пусти, брат, меня в куль-от». Фомка-шут упрямится, не пускает. Солдат уговаривать, и уговорил его. Фомка-шут вышел, завязал солдата в куль; сел на лошадей и уехал. Солдат сидел-сидел в кулю и уснул.

Братья воротились одни, без родни, схватили куль и бросили в воду; пошел куль ко дну — буры да кауры! Сами побежали домой; только прибежали, расселись по местам, а Фомка-шут и катит мимо окон на паре лошадей — ух! «Стой!» — братья. Он остановился. «Как ты из воды выбился?» — «Эх вы, дураки! Разве не слышали: как пошел я ко дну, то сказывал: буры да кауры? Это я коней имал. Там их много, да какие славные! Это что еще! Я дрянь взял — спереди, а там дальше вороные — вот так лошади!» Братья поверили: «Спускай, брат, нас в воду; пойдем и мы коней выбирать». — «Извольте!» Всех извязал в кули и давай спускать по одному; испускал всех в воду, махнул рукой и сказал: «Ну, выезжайте же теперь на вороных!»

3.

Жил-был поп с попадьей. Вот он, вишь ты, поехал нанимать казака; только что едет поп по деревне — попадается ему мужик. «Здорово, батюшка!» — «Здравствуй, братеник!» — «Куды ты, батя, едешь?» — «Да ништо ведь,

вишь — работа поспела, так надобно нанять казака на летину». — «А что, — бает, — батюшка, найми меня». — «Ладно, — бает поп, — ступай к попадье, скажи, что меня, мол, нанял поп. А я покамест съезжу в деревню, окрещу ребенка: вишь, Пафнутьевна родила». «Ступай, батюшка, ступай!» — бает казак; а сам пошел на погост. Пришел к попадье: «Здорово, — бает, — матушка! Поп приказал дом сжечь, а сам поехал новый покупать». И! Попадья взяла пук лучины зажгла и давай со всех сторон дом поджигать. Едет поп, а попадья пепелок развевает да место очищает. «Что ты, попадья?» — «Да ништо! Пришел Ерема; меня, бает, батюшка нанял в казаки; дом да село покупает, а этот дом велел сжечь». — «Ах он, лиходей! Где же он?» — «Да ушел домой». — «Делать нечего, разве нанять другого мужика в казаки?» — бает поп своей попадье. «Уж без казака не жить, — бает попадья — найми, найми, поп!» Вот он и нанял другого мужика в казаки. Дело пошло на лад. Только что приходит сенокос — а ведь это время, знаешь, самое трудное! — поп и задумал нанять еще казачи́ху. Поехал в приход; едет и видит бабу с пяльцами, а это был Ерема; он узнал, что поп хочет нанимать казачиху, взял да и перерядился в бабье платье и стал как девка. Вот едет поп, а девушка бает: «Куды ты, батюшка, едешь?» — «Да ништо ведь, — бает поп, — надобно нанять казачиху, так вот и ищу». — «Ах, батюшка, да найми меня!» — «Да как тебя зовут?» — «Маланьей». — «Так что же, ступай с богом ко мне».

Вот и пошла. Живет Ерема у попа да работает, а поп и не ведает, что у него в казачихах живет Ерема. Только что долго ль, коротко ль, а попу вздумалось женить казака своего на казачихе. «А что, попадья, бает, — сыграем-ка свадебку; казак-то парень дюжий, да и казачиха-то девка ра́жа. Давай-ка!» — «Так что ж зевать?» — бает попадья. Взяли да и женили казака своего на казачихе и заперли их спать на ночь в клети. Вот Ерема и бает: «Что, Сысоюшка (этак звали казака-то), ведь мне на двор надо». — «Да как же, — бает, — быть? Ведь мы заперты!» — «Ничего, возмем-ка поднимем половицу, да ты меня привяжи к кушаку, да и пусти туда; я как справлюсь, так и потрясу кушаком, а ты и тащи меня». — «Ну, ладно, ступай!»

Вот Ерема спустился под пол и привязал кушаком козу за рога — оттого что были там козы. Привязал, да и тряхнул: «Тяни!» — бает, а сам и ушел. Тот потянул, а коза: «Бяу!» — «Что это, — думает себе, — неужто моя жена козой сделалась? Дай-ка еще!» — «Бяу!» — «Ах, и взабыль никак она уж оборотень! Ну-ка еще...» — «Бяу!» — «Делать нечего, пойти к попу... Батюшка!» — «Кто там стучит?» — «Откутайся-ка». — «Да кто там?» — бает поп. «Да я, батюшка!» — «Ты. Сысой?» — «Я». — «Пошто ты?» — «Да что,

батюшка, — бает казак, — никак женка-то козой сделалась!» — «Пойдем-ка посмотрим!» Казак все рассказал попу, как дело было. Пришли под клеть, глядь — а кушак-то привязан козе за рога; сосчитали коз: все ли тута, нет ли, бывает, лишних? Нет, все по-прежнему, а казачихи как не было! «Уж не Ерема ль это подделал?» — бает поп. «Да, пожалуй!» — бает попадья.

У Еремы было еще два брата: Фома да Кузьма, и были они — ворьё. Только им и вздумалось украсть у попа улей пчел. Вот и пошли; да в ту самую пору, как Ерему-то в клеть спать положили; а Ерема-то уж знал, что братеники думали делать. Вот он ушел, да и сел в один улей. Пришли братья и стали пробовать, который потяжелее; взялись за тот самый, где сидел Ерема. «Ого-го! — бают. — Вот где мед-то! Ну-ка, брат, на плечо, да и потащим!» Подняли и потащили, а Ерема сидел, сидел, да потихоньку и закричал: «Вижу, вижу!» — «Смотри-ка, брат, никак нас догоняют, слышишь?.. Побежим скорее...» А Ерема опять: «Вижу, вижу!» — «Уж близко! Бросим-ка лучше, а не то догонят». Вот они бросили и ушли; и Ерема ушел... Вот братья на другой день приходят, видят улей, раскрыли — пустой!.. «А это дело Еремы; пойдем-ка дадим ему знать!»

А Ерема уж это наперед знал; бает своей женке: «Смотри, как придут братья, я тебе велю сбирать на стол; а ты возьми да и не давай нам; мне, мол, надоть ребят накормить. Да еще подвяжи пузырь под пазуху, а я тебе ножом по ему — ты возьми и ляг; а я тебя плеткой — ты и вскочи поскорее. Смотри ж не забудь!» — «Ладно», — бает женка. Вот приходят братья. «Здравствуй, — бают, — Ерема!» — «Здравствуйте, братцы! Добро пожаловать! Что скажете хорошенького?» — «Да ништо! Мы вот хотим...» А Ерема: «Э, братцы, я вас наперед угощу. Женка, давай сейчас обедать». — «Некогда». — «Ну же, живее!» — «Да дай ребят накормить!» — «А вот я те дам ребят накормить!» — да как чесанет ножом-то под пазуху — женка его так тут и грянулась оземь. «Ах ты, шельма!» Взял плетку с гвоздя да ее и ну пороть, а сам приговаривает: «Плетка-живилка, оживи мою женушку!» И! Женка разом вскочила, тотчас собрала на стол.

Вот братья пообедали, переглянулись: «А что, — бают, — Еремушка, дай-ка нам своей плетки, и мы своих жен поучим; они у нас нешто заленились». — «А как вы ее потеряете?» — «Небось!» — «Ну так возьмите, да смотрите отдайте». Они взяли и пошли. «Пойдем, — бает Фома, — сперва ко мне; сперва я поучу свою женку». Пришли. «Давай, женка, — бает Фома, — нам есть!» — «Погоди; вот я ребят накормлю, тогда и сберу». — «Нам некогда, давай скорее!» — «Да погоди!» Фома схватил нож да как чесанет свою

женку под пазуху — та и грохнулась наземь. Схватил плетку и ну пороть, а сам приговаривает: «Плетка-живилка, оживи мою женушку!» Не тут-то было: женка лежит себе да лежит. «Постой-ка, — бает Кузьма, — ты не умеешь пороть; дай-ка я!» Хлоп, хлоп!.. Не встает. «Ну, ну, брат, ишь твоя жена какая непослухмяная. Пойдем к моей». — «Пойдем, — бает Фома, — ведь моя-то ух как была непослухмя́на! Видно, и плетка ее не берет». Вот и пошли. «Женка, — бает Кузьма, — сбирай мне на стол». — «Некогда», — бает жена. Еще стала отговариваться. «Вот я тя!» — да как чесанет ножом-то, та и грянулась оземь. Он схватил плетку и ну стегать, а сам приговаривает: «Плетка-живилка, оживи мою женушку!» Не тут-то было: женка лежит себе да лежит. «Ну, делать нечего! Обманул Ерема. Пойдем мы его утопим».

Идут, а Ерема попадается навстречу. Вот они и схватили его. «Мы те, — бают, — дадим знать! Станешь ужо нас обманывать!» Взяли да и потащили к реке; а это дело-то было уж осенью, только что река замерзла. Притащили его к реке, а проруби-то и нету такой, чтоб его в воду бросить. «Поди, — бает Фома Кузьме, — поди, принеси топор». — «Не пойду», — бает Кузьма. «Ну так останься здеся, а я принесу». — «Нет, братеник, не останусь». — «Ну так делать нечего, пойдем оба».

Вот они взяли и пошли, а Ерему так тут и оставили, только ноги ему кушаком связали. Видит Ерема — барин едет; вот он и начал кричать: «Пожалуйте сюды!» Барин подъехал; а Ерема развязал себе ноги да как крикнет: «Скидывай попону-то!» Тот скинул. Ерема снял с себя армяк да надел на барина, связал ему и руки и ноги. «Лежи, — бает, — здеся, пока опять приду». Только что Ерема ушел, а Фома да Кузьма и вернулись, прорубили прорубь да не посмотревши — бух в нее барина!

Немножко погодя едет Ерема на бариновой лошади и в бариновом платье. «Здравствуйте, — бает, — братцы!» — «Здравствуй, — бают братья, — где ты взял лошадей-то?» — «А вот где! Только что вы пихнули меня в воду, а я бурл!.. бурл!.. бурл!.. вот мне и явились буры кони; я на них и выехал из реки». — «Ах, братец родимый, пихни и нас туды, чтоб и нам достать по бурым лошадям». Он взял да и пихнул их в прорубь; а сам стал поживать, добра наживать.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.